

Потерянное наследство тамплиера

Автор:

Юлия Ефимова

Потерянное наследство тамплиера

Юлия Ефимова

Миссия Дилетант #2

Детективное агентство «Дилетант» занимается сложными и запутанными преступлениями. О нем шепчутся на элитных вечеринках, а номер телефона тайно передают друзьям. Программа была составлена так, что четверо совершенно незнакомых человека, правильно подобранные системой: администратор, логик, технарь и эмпат, могут многое, но не всё. Агентство никогда не бралось за расследования убийств, однако пароль, названный заказчицей, вынудил их изменить своим принципам и взяться за дело. Для новой миссии компьютер сгенерировал еще две неожиданные роли, но подходящих кандидатур в картотеке дилетантов не нашлось. Теперь группе необходимо отыскать их и направиться в маленький приморский городок, уютно спрятавшийся в Калининградской области. Тамплиеры, замки, групповое убийство – дилетантам придется разобраться с этим, отделив вымысел от правды.

Юлия Ефимова

Потерянное наследство тамплиера

Тамплиер все говорил и говорил. Положил свой меч на песок и, вглядываясь в беспокойное море, торопливо рассказывал мне эту историю, словно боясь что-то забыть. Он уже давно охранял вечность в одиночку, поэтому мое общество было ему приятно и неожиданно. Говорил ли он правду или немного приукрашивал, – навсегда останется секретом. Облегчив душу, он ушел, чтобы продолжить свой

вечный поход. Поэтому все, что написано в книге, это плод его фантазии и немного автора, а совпадения случайны.

За неделю до описываемых событий

Маленький приморский город на Балтике

Тревожность не покидала Миру с самого утра. Навязчивое желание налить себе бокал красного сухого и достать из запасов нежный пломбир, чтобы сбежать от угнетающей реальности, было слишком заманчиво, однако неосуществимо. Возможно, именно сегодня ей удастся обрести решение проблемы. Самой серьезной частью своей жизни Мира считала работу, поэтому уже привыкла ставить личную жизнь и отдых, включающий развлечения и вкусную еду, на второй план. Однако этот день предвещал совмещение приятного с полезным. Друг детства, обещавший помочь в решении вопроса, предложил встретиться в самом модном и концептуальном кафе их маленького города. Более того, Дэн намекнул на свои знакомства в этом пафосном месте и без стеснений гарантировал бронь стола, что обычным людям сделать было бы сложно, потому как заведение было крайне популярным.

Весеннее солнце припекало, а голубое небо создавало практически летнее настроение. Их город-курорт просыпался от зимней спячки, вновь становясь притяжением нетерпеливых туристов. Конечно, многие смеются над их холодным и беспокойным морем, говоря, что это просто холодная вода, но Мира точно знала, что это не так. По ее искреннему убеждению, в Балтике есть сила, которая помогает всем, кто родился на ее берегах. Она любила смотреть на волны, разбивающиеся о камни. Море напоминало людям, о чем они порой забывали, – что мы всего лишь песчинки на этой планете. Мира считала свой родной островок России, сиротливо приютившийся среди Европы, лучшим на земле и никогда, ни за какие дары не уехала бы отсюда.

По крайней мере так она думала раньше, сейчас же тучи над ее головой начали сгущаться, и как бы не пришлось бежать, сверкая пятками, бросив все, что нажито непосильным трудом. Но ничего, Дэн обещал помочь не делом, так советом. Мира была согласна на любое участие.

Новый ресторан имел чудаковатый вид. Поговаривали, что сверху он выглядит как цветок с лепестками, но простому пешеходу, гуляющему по набережной, он казался поломанным сооружением со множеством выступающих и утопающих стен с неподходящим названием «Цветик-семицветик». У входа стоял охранник, учтиво открывая дверь посетителям.

– У вас заказано? – спросила администратор, встретив на входе.

– Меня ожидает Денис Кузнецов, – произнесла Мира неуверенно.

Хоть и была она девушкой взрослой и занимала пост директора местного краеведческого музея, но пафос заведения как-то уж очень давил, и она почувствовала себя школьницей, по ошибке заглянувшей в ресторан для взрослых тетенок и дяденек.

– Да, конечно, – приветливо улыбнулась администратор, – пройдемте.

Они вошли в абсолютно круглое пространство с семью плотно закрытыми дверями разного цвета.

– Вас ожидают в желтом зале, сегодня вы будете пробовать индийскую кухню, – радостно сказала работница заведения, словно Мире несказанно повезло.

Она слышала, что в этом ресторане в каждом зале предлагают разные кухни мира, но то, что сегодня будет пробовать индийскую, почему-то радости не прибавило.

«Тоже мне, – подумала про себя. – А нормальную кухню выбрать было нельзя?»

Но как только вошла в зал, недовольство сменилось восторгом – шикарный интерьер погружал посетителей в атмосферу индийского кино, каким Мира помнила его по фильмам с Митхунем Чакраборти, и улыбка непроизвольно приклеилась к лицу. Да, Болливуд давно ушел в забвение, но даже несмотря на это она была его фанаткой. Самым лучшим времяпровождением Миры был просмотр старого индийского фильма в обнимку с какими-нибудь вкусностями. В зале тихо и ненавязчиво красавчик Митхун пел о большой любви, и внутреннее напряжение, бывшее в последнее время постоянным, отпустило.

Дэн уже ждал ее, рассматривая толстую папку меню.

- Как всегда пунктуальна, - улыбнулся друг детства.

Сейчас он не напоминал того толстого неуклюжего очкарика, которого обижали мальчишки и над которым издевались девочки. Мать воспитывала его одна, про отца Денис молчал, но ходили слухи, что он погиб много лет назад.

Родительница Дениса горбатилась на двух работах, стараясь обеспечить сына, а после трудного дня беспросветно пила. Оттого одежда у мальчика всегда была грязной и мятой, что давало еще больше поводов для насмешек ровесников.

Только смелая девочка Мира, жалея соседского толстяка, защищала его от нападок злых детей. Иногда ей казалось, что именно в память о ее прошлом героическом поведении Дэн общается с ней сейчас, ведь по статусу его было уже рукой не достать.

- Что будешь есть? - спросил он, не отрываясь от меню.

- Ты специально заказал этот зал? - вопросом на вопрос ответила Мира.

- Да, - улыбнулся приятель, наконец оторвавшись от чтения блюд, и в этом взгляде все же промелькнул толстый очкарик, - я помню твою тягу к Болливуду и решил сделать тебе приятно. - Мира растерялась, на секунду показалось, что вернулось детство, влюбленный в нее Дэн, их занимательные разговоры и мечты. - Так что ты будешь? - выдернули ее из воспоминаний, вернув в ресторан маленького приморского города.

- На твой вкус. - К своему стыду, даже при огромной любви к индийскому кино Мира ни разу не пробовала эту кухню и не знала, что в ней съедобно.

- Ну хорошо, тогда мы будем... - обратился Дэн к подошедшей официантке в национальном костюме индийской девушки, - курицу карри с рисом, лепешки качори с бобовыми и набором соусов. Для моей девушки принесите на пробу панир баттер масала.

- Не надо, Дэн, звучит страшно. Обойдусь курицей с рисом, да и вообще я не голодна, - соврала Мира.

– Это всего лишь сыр панир с овощным соусом, – снисходительно сказал Дэн. Иногда казалось, что, не имея такой возможности в детстве, сейчас ему очень нравилось вести себя несколько свысока. – Ты такой соус не ела ни разу, это я гарантирую. Пить будем масала-чай.

– Я кофе, – решила настоять на своем Мира, она бы уже на сыре в соусе послала друга детства подальше, несмотря на его высокий пост, но сегодня он ей был очень нужен.

– Да это чай с молоком и специями! – захохотал Дэн. – Обычный кофе ты и так выпьешь, а здесь надо наслаждаться, получать гастрономическое удовольствие.

Решив уступить, Мира натянуто улыбнулась и, чтобы не психануть раньше времени, огляделась, рассматривая интерьер. Зал был небольшой, овальный, видимо, действительно имитировал форму лепестка. Все столики были заняты любителями восточных пряностей и карри.

– Дэн... – решила она начать разговор и выдохнула: – Я нашла.

– Что? Янтарную комнату?

Его издевательский тон заставил заскрипеть зубами. Да, она всю жизнь, сколько себя помнила, была увлечена этой идеей. У маленькой девочки было заветное желание найти сокровища. Однажды в детстве Мира даже собрала свою экспедицию. Просидев в местной библиотеке около года, а также окончательно достав директора краеведческого музея, она составила карту, где могла бы находиться Янтарная комната, тщательно изучив схемы замка Кенигсберг. Конечно, воображение дорисовало в голове все недостающие данные, но девочка была уверена в успехе. Скопив денег на завтраках и купив билеты на автобус до Калининграда для себя и Дениса, взяв в рюкзак только самое необходимое, они отправились навстречу приключениям. Но, к удивлению Миры, большой город встретил их недружелюбно, съестные запасы благодаря Дэну быстро закончились, а на месте, где, как была уверена маленькая Лара Крофт, они найдут Янтарную комнату, лежали бетонные плиты. Тогда Дэн начал ныть и жалобно проситься домой, но сейчас, сидя в кресле большого чиновника маленького города, вспоминал детскую историю, желая поиздеваться над подругой.

– Нет, не Янтарную комнату, – вздохнула Мира, пропуская колкость в его голосе, – хотя я уверена, что она до сих пор хранится в бункере под развалами Кенигсбергского замка, там же, кстати, и документы программы «Кенигсберг 13».

– Стоп, стоп, – засмеялся Дэн, и Мира в очередной раз удивилась, как из толстого хомяка в очках смог вырасти такой красивый мужчина. Даже она, подруга детства, иногда любовалась им, забывая, что это всего лишь Дениска Кузнецов. – Если ты настаивала на срочной встрече для того, чтобы, как в детстве, искать сокровища, то я, пожалуй, пойду. Между прочим, по телефону ты сказала, что у тебя вопрос жизни и смерти.

– Но это действительно так, – уже шепотом сказала Мира, аккуратно оглянувшись, – на меня вчера на улице чуть кирпич не упал.

– Чуть не считается, и вообще, город у нас старенький, фонд трухлявый, это я тебе как чиновник могу со всей ответственностью признаться, правда по секрету, никому больше не говори, – продолжал шутить Денис.

– Да ты не понимаешь! Мне позвонили и назначили встречу на конкретном месте. Я пришла, стою, подходит ко мне старушка, просит купить батон в лавке через дорогу. Я побежала, а когда вернулась, бабушка лежала на земле без чувств. Кирпич приземлился ей на макушку. – Мира вспомнила тот ужас, и от пережитого страха свело горло.

– Повторять про фонд не буду, – уже серьезней сказал Дэн, – но неужели ты думаешь, что киллер, скучающий с кирпичом на крыше, перепутал тебя, молодую и красивую, с бабулей? – скептически закончил он свою версию.

– За молодую спасибо, за красивую тоже, но ответ – да, мог.

Мира достала из сумки голубой берет и положила на стол.

– Красивая вещь. – Денис как интеллигентный человек на всякий случай похвалил ее. – Продаешь? – зачем-то поинтересовался, видимо, не зная, что говорить.

– Нет, – серьезно ответила Мира, – это улика. У бабушки был такой же берет, один в один.

– Да, – вздохнул Дэн огорченно.

– Вот именно, – воодушевилась Мира, на минуту решив, что убедила оппонента.

– Да, Березовая Мира Михайловна, дела действительно плохи, – опять вздохнул он.

– А я тебе что говорю, – поддакнула Мира и совсем сникла.

– Если ты, – продолжил Дэн, – в свои тридцать лет носишь берет как у бабули, то пора уже бить набат, – закончил грустно и тут же рассмеялся.

Не ожидая такой реакции, Мира надулась. Да что там, уже решила, что скажет Дэну все, что о нем думает, и уйдет, прикидывая мысленно самые обидные для него детские воспоминания. Но от скорой смерти друга спасла девушка-официантка. Она принесла огромный серебряный поднос, полный яств. На нем были лепешки разных размеров, соусы и приправы. Расставляла она все очень красиво, и Мира, словно под гипнозом, залюбовалась. Но магию сервировки прервало неловкое движение чудесницы – зацепив шифоновым шарфом, который был частью костюма, вазочку с соусом, она опрокинула его на любимую голубую юбку Миры.

– Ой, извините, – защебетала официантка, – простите, я все исправлю, – на ее глазах появились слезы, – я первый день работаю, все, меня теперь уволят.

– Где у вас туалет? – спросила Мира, стараясь не расплакаться вместе с официанткой.

– Давайте провожу вас, – быстро спохватилась та. – В нашем зале он занят, там засел какой-то посетитель и уже полчаса не выходит. Мы даже думали вызывать охрану, пусть разбирается. Сходите в соседний зал, китайский. Он арендован под небольшое торжество, но гости выкупили его полностью. Думаю, там вы легко попадете в туалет без всякой очереди.

Вздыхая, Мира вышла в круглый холл ярко-оранжевого цвета, обозначающий серединку цветка. От расстройства из головы совершенно вылетело, направо или налево сказала идти официантка. Вдруг из-за двери, за которой, видимо, была кухня, вышла кошка. Даже не вышла, а будто одарила своим появлением как королева. Пушистая, трехцветная, эта высокомерная красавица так же торжественно подошла к девушке и потерлась о ее ногу.

– Что, почуяла еду на юбке? – упрекнула животное в корысти Мира. – Прости, облизать не дам.

Она не любила кошек, считая их слишком своенравными домашними животными, куда лучше собаки, преданные, веселые, всегда рядом с хозяином, а не только когда питомцу хочется есть.

Решив, что юбка не ждет и ее еще можно спасти, Мира осторожно заглянула в соседний зал. В нос ударил резкий запах смеси корицы, имбиря и чего-то еще, похожего на анис.

«Может, индийская кухня еще ничего, – промелькнуло в голове у девушки. – Если китайская так едко пахнет, то есть ее, скорее всего, вообще невозможно».

Но что-то еще неестественное было там, что-то настораживающее. Приглядевшись, Мира поняла, что странно выглядит единственный занятый столик в этом зале. А через секунду до нее дошло: люди, сидевшие за столом, лежат головами в своих тарелках. Решив, что пора громко кричать и звать на помощь, она открыла рот, но стала без чувств опускаться на пол, не в силах издать даже писк. И уже теряя сознание, девушка осознала, что самым неестественным в этом зале была тишина. Звонящая тишина, за пологом которой не было слышно даже музыки.

Глава 1. Первым делом, первым делом – самолеты

Едва шасси самолета мягко коснулось посадочной полосы аэропорта Шереметьево, телефон Зины начал бешено пикать, приветствуя сообщения мессенджеров. Но она не спешила их читать, хотелось еще чуть-чуть продлить

ощущение жалости к себе. Решила, что будет страдать, как только села в кресло самолета во Владивостоке. Разрешит себе слабость. И даже сочинила по привычке стихотворение в тему, как гимн ее последующих страданий.

Мне сегодня грустно, что ж, бывает.

Мне сегодня хочется реветь.

И душа тихонечко вздыхает,

Продолжая на глазах мрачнеть.

Я сегодня разрешаю скуку,

Даже разрешу всплакнуть чуток

И, положив свой подбородок в руку,

Налью себе вина глоток.

Сегодня я себе позволю жалость,

Но не к кому-то, а к самой себе.

Позволю я поблекнуть малость

Хранимой с детства голубой мечте.

Я разрешу себе кило морожено

И не заправлю мятую кровать.

Но лишь сегодня это все возможно,

А завтра вновь стремиться и блистать.

Для Зинки стихи были не творчеством, для нее они было сведением чувств в удобную форму для точного понимания ситуации. Так с детства учил ее дед. Он сажал ее за свой стол в кабинете, давал ручку, листок и говорил: вот попробуй написать сейчас, что ты чувствуешь, в стихотворной форме, чтобы была рифма, пускай даже простая и парная. Во-первых, это поможет несколько раз и с разных сторон обдумать ситуацию, а во-вторых, в стихи вмещается только самое основное, и вот что для тебя главное, ты и увидишь. Все время, пока Зинка

усердно пыхла над бумагой, дед сидел рядом, смотрел на нее и улыбался одними глазами, как умел только он.

Это же стихотворение полностью отражало видение ее мира сегодня. Зинка страдала, она устала быть сильной, устала все решать. Молодой девчонке в двадцать три года было тяжело тащить на себе свалившуюся ответственность. Плюс ко всему обманутые ожидания снова разбились ей сердце, снова предали девушку, так поверившую им.

Ей страшно захотелось почувствовать себя маленькой, чтобы дед сел рядом и сказал: «Знаешь, Зинка, я против грусти» и улыбнулся одними глазами. Но его нет, уже больше года нет. Время не лечит, это неправда, Зинке по-прежнему больно от одной мысли, что она никогда его не увидит, не уткнется в плечо, не почувствует себя под защитой. Поэтому она придумала историю, что дед уехал в очередную командировку, которых, надо сказать, у него было немало при жизни.

Телефон, устав пищать и будто догадавшись, что полумеры не работают, начал настойчиво звонить, решив все-таки достать свою хозяйку. На экране высветилось короткое слово «изба». Так они с друзьями решили назвать свой новый офис.

После того как полтора года назад справились со своей миссией «Дилетант», они неожиданно сдружились. Поэтому, когда перед Зинкой встал вопрос, с кем продолжить дело деда, она даже не сомневалась.

– Да, Леша, – ответила устало, – что такого срочного случилось в «избе», что ты меня дергаешь после восьмичасового перелета?

– Шеф, у нас проблемы, – с беспокойством в голосе затараторил Алексей Кропоткин. Ее правая рука и, надо сказать, очень спокойный человек, сейчас был непривычно взволнован. – Я бы, конечно, никогда, но тут что-то странное.

– Алексей, – вздохнула Зинка, – Мотя на тебя плохо влияет, ты разучился понятно формулировать мысль.

– В общем, шеф, тебе стоит подъехать в «избу», тут какая-то чертовщина происходит. – Алексей был сам не свой; привычно грамотная речь образованного и интеллигентного человека, потомка дворянского рода, почему-то сейчас явно

подводила.

– Дай трубку Эндрю. – Зинка решила пойти другим путем, все еще надеясь отправиться из аэропорта домой, чтобы спокойно продолжить намеченные на день страдания.

– Шеф! – услышала она голос второго сотрудника. Эндрю был компьютерным гением, его никогда не подключали к организационным вопросам, но в экстренных случаях математический и логический мозг парня меньше всех впадал в панику и невроз, а оттого и думал более рационально, чем другие. – Алексей прав, тебе надо быть здесь. Приехали люди и требуют помощи.

– Ну раз приехали, – рассудила Зинка, – значит, им наши координаты дал кто-то из проверенных клиентов. Оформляйте договор, рассчитывайте смету и по обычной схеме ищите дилетантов. В чем проблема, не пойму, уже полтора года так работаем.

– Все как бы так, – тянул Эндрю, – но это убийство.

– Ну тогда еще проще, – выдохнула Зинка, понимая, что квартира с запрещенными в обычное время вредными вкусами и гитарой под мышкой снова забрезжила на горизонте. – Отказывайте, и все. Мы убийствами не занимаемся.

– Я Моте трубку дам, – неуверенно буркнул Эндрю.

– А она-то что там делает? – удивилась Зинка, но вопрос, который она адресовала Эндрю, попал уже к Матильде.

– Шеф, привет! – Вот уж кто всегда был в хорошем настроении и оптимистически настроен. – Так меня Лешик вызвал. Я была на занятиях, он звонит, говорит, вопрос жизни и смерти, срочно приезжай в «избу». А я, ты же знаешь, своих не бросаю, да и Лешика учусь слушаться. Правда, у нас с этим еще туго, – начала жаловаться на личную жизнь Матильда, – но я уже на правильном пути. Вот он говорит, мы разные, ну а я думаю, это только плюс, потому как, если бы мы были одинаковые, к примеру, такие как он, то со скуки бы умерли. Ну я бы точно повесилась – развешивать полотенца в ванной по размеру и цвету.

– Мотя, – перебила треп подружки Зинка, – что в «избе» такого страшного произошло?

– Ну... Приехала мадам, знаешь, такая вся из себя стильная и жутко дорогая, и требует раскрыть убийство ее мужа.

– Все равно не понимаю. Мы уже сто раз отказывали людям с такими просьбами, что с этой не так? – Зинкино терпение подходило к концу.

– Так Лешик по телефону и отказал. А она упертая, все равно приехала. А ты что, плохо съездила? – вдруг спросила Мотя не в тему. – Расстались?

Зинка сразу сдулась, как воздушный шарик, и тихо призналась:

– Решили поставить отношения на паузу.

– Ну это все, – не сомневаясь, прокомментировала Матильда, – прорыдайся и забудь. Нет никаких пауз, так делают, когда приходит конец отношениям. Приезжай в «избу», я сбегаю в соседнюю пекарню, накуплю, как ты любишь, всякой вкуснятины, и, когда закончишь с этой мадам, мы с тобой будем пировать. В общем, по старой схеме.

– Ну хорошо, еду, – печально известила Зинка, отчетливо почувствовав острую необходимость в том, чтобы ее кто-то пожалел.

Где-то глубоко, очень глубоко внутри она понимала, что это конец, но старалась гнать смурные мысли, уж очень болезненными они были.

– Вина купить? – поинтересовалась Мотя, вернув собеседницу в реальность.

– Все-таки скажи, что не так с клиенткой?

– Она сказала, что знает пароль. Услышав его, мы согласимся, – осторожно пробормотала Мотя, словно боясь следующего вопроса, но он все равно последовал.

– Что за чушь, что за шпионские игры? У нас нет никаких паролей, кто наговорил ей ерунды? Что хоть за пароль-то? – В телефонной трубке была тишина, Мотя тянула с ответом. – Матильда, – повысила голос Зинка, – какой пароль сказала мадам?

– Шеф, ты только не переживай, – попросила ее подруга.

– Я уже переживаю, и если ты будешь еще тянуть, меня вообще инфаркт хватит, – честно проинформировала о своем состоянии Зинка.

– Она сказала, – осторожно начала Мотя, словно боялась ляпнуть лишнее, – что ей надо продиктовать нам...

– Матильда! – не выдержав, прикрикнула.

– «Знаешь, Зинка, я против грусти», – Мотя выдохнула фразу так быстро, словно боялась сделать больно своей подруге.

Зинка медленно, словно гуляя, шла по огромному залу прилета аэропорта Шереметьево, но после Мотиных слов потолок словно нагнулся, стало тяжело дышать. Бросив телефон в сумочку, даже не отключив вызов, она выскочила на улицу и села на бордюр.

Так называл ее только дед, это был их пароль, это была их тайна. Короткая строчка из стихотворения Юлии Друниной «Зинка». Об этом знали еще три человека – Алексей, Матильда и Эндрю, когда-то ставшие невольными свидетелями их последнего разговора. Хотя разговором это было не назвать – с экрана телевизора говорил человек, которого уже месяц как не было в живых.

Полтора года назад деда не стало. Не стало единственного родного человека в жизни девушки. У нее, как и положено, были мама и папа, но в Зинкином случае только формально. Дед был в ее жизни всем – отцом, матерью, наставником и учителем. Все двадцать два года она жила под сиянием собственного солнца по имени Савелий Сергеевич Штольц. Полтора года назад это солнце потухло, и его до сих пор никто так и не смог заменить. Да что там заменить, никто не смог даже обычную лампочку включить. Зинка очень надеялась, что это будет Тимур, но, видимо, зря.

Уже после смерти деда она узнала о гениальном изобретении, системе «Дилетант», которую создал дед. Смысл ее был в том, что четыре правильно подобранных неподготовленных новичка могут раскрыть сложное преступление. Секрет успеха заключался в подборе дилетантов и их правильном сочетании друг с другом, а самое главное, в том, что у дилетантов был не замыленный шаблонами взгляд на расследование и оттого свежий и интересный. В команде работа разных психотипов давала поразительный эффект.

Сейчас Зинка продолжила дело, созданное дедом, с помощью Алексея и Эндрю усовершенствовав программу. Сарафанное радио работало хорошо. На закрытых приемах люди перешептывались об элитном детективном агентстве, которое никогда не допускает ошибок и распутывает даже самые сложные и безнадежные дела. Правда, и берут дорого, и принимают людей только по рекомендации, но результат стопроцентный.

Мир потихоньку возвращался, первая удушающая реакция стала отступать, вновь позволяя легким получать воздух, а голове размышлять.

– Мотя, ты еще на связи? – Вспомнив про подругу, Зинка вытащила из сумочки смартфон со светящимся экраном.

– Да, шеф, я здесь, – виновато ответила Матильда, словно была причастна к странным событиям, происходящим в «избе».

– Я буду пиццу, бургер и «Наполеон», – сказала она, придя в себя.

– Поняла, включаем режим повышенного страдания, – быстро сделала вывод Матильда, уже немного зная свою приятельницу и ее привычки.

– И вина возьми, – вздохнула та, – через час буду.

Все время, что она ехала из аэропорта в «избу», Зина думала, кто тот шутник, который так жестоко решил с ней поиграть. Где-то глубоко в душе уже затаилась мысль, даже не мысль – тайное желание. Нет, не желание, а невнятное и пугающее предположение, заставляющее сжиматься желудок и чаще биться сердце.

«А вдруг дед жив».

Тампль, резиденция ордена тамплиеров в Париже

Май 1306 г.

Магистр ордена тамплиеров Жак де Моле смотрел в окно. Как быстро и мощественно разросся их замок! После потери Иерусалимского храма именно Тампль стал сердцем и мозгом всего ордена. Когда-то Людовик VII выделил для молодого ордена бедных рыцарей Христа и храма Соломона участок на правом берегу реки. Тогда никто не предполагал, каким он станет, а потому сей подарок был по классическому «на тебе, Боже, что нам не гоже». Участок был болотистый и неказистый, теперь же благодаря трудолюбию, да и, чего скрывать, деньгам ордена тамплиеров это был город в городе.

Пятидесятиметровая башня Тампля, из которой сейчас наблюдал за своими братьями магистр, и вовсе считалась самым высоким зданием в Париже. В центре замка красовалась церковь, выстроенная по образу Храма Гроба Господня в Иерусалиме, а вокруг него всю разрастался жилой район. Строились лавки, конторы, склады. Что-что, а торговать тамплиеры умели не хуже, чем воевать, и всякий, кто понимал это, старался быть как можно ближе к ордену. Ведь в сам орден вход был не для каждого.

Да, здесь приветствовались равенство и братство, но стать одним из тамплиеров мог только избранный. Одни это заслуживали в бою, другие умом, но были и такие, которые заслуживали это гордое звание своей жизнью. Таким был и Андре де Бланшфор, честный и справедливый, смелый и бесстрашный, а главное, он был готов защищать веру с оружием в руках, что доказывал не раз на деле. В ордене не очень приветствовались люди, имеющие семью, но Андре, несмотря на то, что у него были жена и трое сыновей, доказал свое право называться бедным рыцарем и получил свой коричневый плащ по праву. Белый же позволялся только рыцарям, давшим обет послушания, целибата и бедности.

Жак дружил с Андре простой человеческой дружбой, невзирая на свое звание и братство. Он видел в нем настоящего рыцаря с такими качествами души, каких сейчас не хватало уже многим членам ордена, и потому очень тяжело воспринял его уход. Это была еще и личная потеря, которая унесла частицу его души. Возможно, поэтому, когда Жаку стал необходим проверенный человек, он

вспомнил о супруге дорогого друга – Эрменгарде де Бланшфор.

– Магистр де Моле, – в комнату вошел личный помощник и, не поднимая головы, сообщил: – Она пришла.

– Проводи ее сюда, – не поворачиваясь и не отрывая взгляда от кишаших как муравейник торговых рядов, распорядился магистр и уточнил: – Постарайся, чтобы ее никто не заметил.

Башня была тем местом, где это можно было сделать без труда. Еще при строительстве был проложен подземный ход из торговой лавки у стен Тампля. Владел ей человек, безмерно обязанный и преданный храмовникам, и с искренней усердностью и честностью отработывал этот долг.

В принципе, Жак де Моле верил всем своим братьям, но сейчас речь шла о высшей степени доверия, о высшей миссии ордена тамплиеров.

Легкая поступь приблизилась и затихла, Эрменгарда, зайдя в комнату, не решалась потревожить великого магистра.

– Рад приветствовать тебя, вдова моего друга. – Жак не мог оторвать взгляд от торговых рядов внизу, ощущение, что все люди – песчинки на огромной планете, не покидало и придавало этой минуте еще большую важность.

Эрменгарда молчала, не понимая, как ей реагировать, – подойти, ответить или проникновенно молчать. После смерти мужа она ни разу не видела Жака де Моле и не ждала от сегодняшней встречи ничего хорошего. Дело в том, что обычно со смертью мужа орден забирал все у его жены и детей, оставляя лишь самую малость, чтобы не умерли от голода. Но с Эрменгардой поступили иначе: все, что принадлежало А, оставили ей и сыновьям. Она не верила в это, до сих пор каждый раз вздрагивала, слыша, как непрошенные гости стучатся в их дверь. Ей казалось, что орден одумается и все же лишит ее неполенного наследства. Вот и сегодняшняя просьба прибыть тайно в Тампль показалась ей началом конца.

– Был ли орден добр к тебе и к твоим сыновьям после смерти Андре? – задал ей вопрос великий магистр, лишь подтвердив ее опасения.

– Более чем, – покорно ответила Эрменгарда.

– Готова ли ты отплатить ордену тем же и послужить верой и правдой?

– Моя жизнь полностью принадлежит вам и братьям за то, что вы были добры ко мне и к моим сыновьям, – подтвердила женщина свою покорность.

– Готова ли ты послужить Богу? – спросил Жак де Моле и резко повернулся к ней.

– Я жизнь готова отдать на услужение Господу нашему, – прошептала Эрменгарда, не поднимая глаз, и перекрестилась.

– Знаешь ли ты, зачем был создан наш орден Гюго де Пейном? – словно учитель ученика, спросил магистр женщину, по-прежнему стоявшую преклоненной перед ним.

– Орден бедных рыцарей Христа был создан для защиты паломников на святой земле, чтобы охранять от бандитов дорогу от побережья к Иерусалиму.

– Это версия для всех, но есть и другая – правдивая, для избранных, – вздохнув, перебил ее великий магистр, и женщина в удивлении подняла на него глаза. – На самом деле у ордена была более ответственная миссия. Мы должны были найти в храмовой горе священный артефакт – святой Грааль.

Эрменгарда была в ужасе, но не из-за тайной миссии ордена, а из-за того, что ей, простой смертной, сейчас открывается страшная тайна, а такие тайны губят любого, кто к ним прикоснется.

– Мы долго вели раскопки, но святой Грааль так и не нашли, – продолжал рассказ Жак де Моле, расхаживая по небольшой комнате башни. Здесь он соврал, но не надо этой бедной женщине, на которую он и так собирался повесить непосильный груз, знать больше, чем полагалось. – Зато мы нашли другую, возможно, более могущественную реликвию сразу трех религий мира – иудаизма, христианства и ислама. И каждая религия хотела бы иметь ее у себя. Теперь же истинным предназначением ордена стало оберегать ее, потому как реликвия обладает сверхъестественной силой. И даже наделяет практически

безграничными возможностями. Поэтому именно мы, бедные рыцари Христа, должны охранять ее от посягательств любых правителей. Ибо нет и не может быть никого на земле, равного Богу. – Произнося эту речь, великий магистр словно забыл, зачем он здесь, он будто бы разговаривал с Богом, что-то клятвенно тому обещая. – И хоть сейчас вокруг спокойно, но высший Сионский орден сообщил нам, что надвигается смута. Я не могу более хранить реликвию в Тампле, чувствую, что скоро он перестанет быть столь же безопасным, как сейчас. Хоть и уверен, что справедливый Бог поможет своим служителям, но не могу рисковать святыней. Ее нужно перевезти подальше, в Восточную Пруссию. Там есть проверенные братья, они помогут спрятать ее. Но, если в путь отправятся рыцари тамплиеры, это станет подозрительным, по их следу могут пойти. Поэтому я принял решение: святыню туда отвезешь ты со своими сыновьями. Пообещай мне до последнего вздоха хранить верность ордену и даже ценой жизни охранять порученное тебе наследие.

– Мой муж говорил, что приказ магистра должен быть выполнен в любом случае и без задержек, так, словно сам Христос приказал это, – еще почтительнее склоняясь, сказала Эрменгарда, – я клянусь за себя и за своих сыновей, что мы выполним миссию или умрем за нее.

– Ступай, – ответил Жак де Моле, словно устав от разговора, – тебе сообщат о времени.

Уже возвращаясь по подземному туннелю и воспроизводя в голове разговор с магистром, Эрменгарда вдруг поняла, что Жак де Моле так и не сказал, какую все-таки реликвию ей с сыновьями поручили перевезти в медвежий угол Европы, в холодную и дождливую Восточную Пруссию.

Глава 2. Пароли дело такое, о них следует договариваться отдельно

В гостиной «избы» сидела молодая изысканная девушка, этакая пантера. Про таких говорят «дорогая женщина» в прямом смысле слова. Она была очень красива и, самое главное, прекрасно знала об этом. Классическая жена миллиардера, как их представляют себе простые обыватели.

– И вот сидит и не уходит, – продолжал вводить Зинку в курс дела Алексей. – Все было как всегда. Сначала она позвонила, сказала, что ей рекомендовал нас Гущин, помнишь, дело о слежке три месяца назад. Мужики казалось, что за ним следят, а все вокруг, включая нанятых детективов, считали его сумасшедшим. Но мы выяснили, что он прав, и это было дело рук его маленькой падчерицы.

– Да-да, – словно вспоминала Зинка, вглядываясь в гостью через тайное стекло.

Как только она поняла, что делать офис из квартиры неправильно, а Эндрю, придя к ним в команду, затребовал множество техники и пространства, решение пришло само. На заработанные к тому времени деньги Зинка приобрела маленький деревянный домик, затерявшийся во дворах панельных многоэтажек на востоке Москвы. Никто – ни администрация города, ни жители района Перово – так и не поняли, почему судьба сберегла это хоть и красивое, но все же трухлявое сооружение. Когда ремонт был сделан, дом приобрел вид русской избы, и несведущий человек мог подумать, что это музей русских национальных традиций. Во внутреннее благоустройство и вовсе пришлось порядком вложиться. Первым условием было такое вот стекло с возможностью слышать и видеть, что происходит в приемной. Тогда Алексей подшучивал над Зинкой, говоря, что она насмотрелась шпионских фильмов, но впоследствии не раз смог оценить гений своего шефа. В гостиной оно смотрелось словно большой телевизор, а в комнате по соседству как огромное окно. Причем они слышали, как позвякивает чайная ложечка о стенки фарфоровой чашки, а до гостыи не доносилось ни звука из их комнаты.

Девушка сидела и маленькими глотками пила кофе. Не нервничала, не дергала телефон, не переживала, просто сидела, достойно держа голову на своей лебединой шее.

– Ну так вот, – продолжил Алексей, он был правой рукой Зины и потому считал, что сейчас опростоволосился, – адрес я не давал, просто положил трубку, вежливо объяснив, что убийствами мы не занимаемся, тем более групповыми.

– Адрес мог дать тот же Гущин, – вставил предположение Эндрю.

В их маленькой банде он был самый немногословный, перенес весь свой интеллект в мир компьютеров и интернета.

– Гущина блокируем, – спокойно сказала ему Зинка, и Эндрю согласно махнул непослушной челкой.

Прошло немного времени с тех пор, как детективное агентство «Дилетант» перешло по наследству к Зинаиде, но она, быстро поняв суть, уже стала прекрасным руководителем. Умела принимать решения и разговаривать с людьми так, что позже они не понимали, как эта маленькая хрупкая девчонка с веснушками могла столько из них вытащить. Они удивлялись, а Зинка точно знала, что это воспитание деда. Ей казалось, что и к ее воспитанию профессор психологии применял свою, только ему известную методику, словно точно знал, чем ей придется заниматься в будущем.

«Знаешь, Зинка, – рассуждал он, попивая любимое холодное белое вино, – люди любят в основном себя, но даже если не любят, то им еще приятнее, когда интересуются их персоной. Поэтому если человек тебе нужен, если ты хочешь расположить его к себе, искренне интересуйся им. Его мнением, жизненной позицией. По опыту скажу, что те, у кого кредо отсутствует, придумают его на ходу и будут тебе после безмерно благодарны, сами не подозревая за что. Потому как именно своими убеждениями и жизненной позицией мы проявляем индивидуальность, чувствуем себя личностями, а ты им подаришь это внутреннее ощущение. Самое же главное, тебе это не будет ничего стоить, а процесс благодарности запустится».

– Информацию на нее, – вернувшись мыслями в «избу», попросила Зинка, как хирург во время операции просит скальпель. Эндрю, словно ждал приказа, тут же протянул ей папку. – И чего же ждет в нашей «избе» эта настойчивая красавица? – поинтересовалась, одновременно читая информацию, подготовленную на гостью.

– Сказала, не уйдет, пока не получит согласие на расследование. Утверждает, что ей обещали помощь, – видно было, что Алексей решил полностью положиться на своего шефа, знал, что она способна на многое.

В этот момент хлопнула входная дверь и на пороге появилась Мотя, с головы до ног нагруженная пакетами.

– Шеф, ты уже здесь, – расплылась она в улыбке.

Матильда по-прежнему была платиновой блондинкой с прической каре. Но образ леди с их совместной операции, который так тщательно выбирал для нее Алексей, не прижился. Мотя вернулась к своим ярким вещам, цветным и экстремально коротким.

- Классный шарфик, - вместо приветствия сказала Зинка.

- Тебе тоже понравился? - расцвела Матильда, словно получила приз. - Жалко, конечно, что малиновый, но мне кажется, голубое пальто с малиновым шарфиком смотрятся загадочно.

- Загадочно - хорошо сказано, - задумчиво протянула Зинка, продолжая читать печатный текст, подготовленный коллегами. - В общем так, друзья, - закончив изучать досье на посетительницу, обратилась она к молчавшим до этого Алексею и Эндрю. - Пойду попробую переубедить нашу мисс совершенство и вернусь, а вы пока накрывайте праздничный стол.

- По поводу чего? - растерянно спросил Алексей, будто от повода зависел вид стола.

- Встреча старых друзей. Такой повод тебя устраивает?

- Формально да, но такие расставания не празднуют, ты улетела два дня назад. С Мотей мы расстались сегодня за завтраком, и как оказалось, всего на час, а Эндрю вообще уже три дня ночует в «избе». Кстати, что ты здесь делал?

- Алексей, вы зануда, - спокойно констатировала сей факт Зинка и вышла из комнаты.

- Она права, - вздохнула Мотя, глядя на мужчину своего сердца. - Непонятно, как я с тобой живу, а все это проклятая любовь между Близнецом и Львом.

Алексей хотел ответить своей возлюбленной, что именно он прощает ей многое, если не все, но в гостиной произошло движение, и они замолчали, уткнувшись в стекло.

- Здравствуйте, - произнесла Зинка с порога, только открыв дверь.

Лицо ее излучало любовь и мир во всем мире. С ней сейчас не только не хотелось ругаться. Зинку, словно доброго домашнего котенка, хотелось погладить и поиграть с ней.

– Как она это делает? – задал риторический вопрос Эндрю, глядя на работу своего начальства.

– Растет шеф, с каждым днем растет, – согласился с восхищением Алексей, а Мотя расплылась в улыбке, с гордостью глядя на подругу через стекло.

Группы дилетантов собирались из четырех человек, в них обязательно есть логик – в их случае это был Алексей. Технар – когда их свела судьба под именем Савелий Сергеевич Штольц, эта роль была отдана, естественно, Эндрю, мальчику, выросшему в семье математиков и половину своей жизни проживающему в сети. Администратор – с работой которого неплохо справилась Зинка, но Моте выпала самая сложная должность «Дилетантов», она была эмпат. Сейчас, когда уже сами подбирали людей, они поняли, насколько сложно найти настоящего эмпата. Человека, который будет понимать других людей как себя и вести расследование в нужное русло на одних лишь эмоциях. По-хорошему именно на эмпатах и их умении чувствовать людей, сопереживать и их стремлении помочь строилась система «Дилетант». Мотя была стопроцентным эмпатом. Когда удавалось найти хоть наполовину похожего персонажа, это была победа, но такие как Мотя, которые могли вот так улыбаться, пока не попадались.

– Матильда, – не выдержал Алексей, глядя на ее восторженную искреннюю улыбку, – шеф работает! Она не любит весь мир, не собирается осчастливить эту мадам, она просто работает.

– Умеешь ты, Лешик, испортить настроение, – суксилась та, но обидеться не успела, потому как за стеклом стали происходить интересные события.

– Ну я же вам уже объяснила, – в сотый раз повторила Зинка, и дружелюбие, которым она блистала еще десять минут назад, затрещало по швам, – мы просто этого не умеем. Убийство не наш профиль. Даже если мы договоримся, возьмем гонорар, ваши деньги будут выброшены на ветер. Наша система не работает на схемы убийства. Вам лучше обратиться в другую контору.

- Он меня предупреждал, что так и будет, - вздохнула красавица.

- Кто? - все так же улыбаясь, спросила Зинка, но даже невооруженным взглядом было понятно, что этот вопрос очень важен для нее.

- Человек, позвонивший и рассказавший про ваше агентство. Он настаивал, что помочь мне сможете только вы, - ответила посетительница. - И потом он добавил, что, если не подействует пароль «Знаешь, Зинка, я против грусти», - деловито продолжила красавица, - надо будет подключить тяжелую артиллерию. Но только разговаривать я должна лично с Зинаидой Звягинцевой.

- Я Зинаида Звягинцева, директор агентства «Дилетант», - представилась она запоздало, все-таки сказывались усталость от восьмичасового перелета, смены часовых поясов и, конечно, душевная боль, которую привезла с собой из Владивостока.

- Я вам верю, - покивала девушка, - но хотелось бы доказательств. Паспорт, например.

Зина достала из сумочки паспорт и показала посетительнице. Та удовлетворенно махнула головой и, закатив глаза, вспоминая каждое слово, продекламировала:

- Главный вопрос в жизни, Зинка, заключается в том, что, если ты способен сказать «да» своему приключению, твоя жизнь случится. В обратном же случае она просто будет. Выбор всегда за тобой.

А вот этой фразы не знал никто, даже те трое, что сейчас переживали за стеклом в другой комнате.

Стены «избы» после этих слов будто провалились, запахло морем. В то лето они не смогли никуда слетать на отдых, поэтому в свой любимый Сан-Ремо Зинка с дедом отправились не в сезон. Маленький итальянский курортный городок тонул в сонной тишине, как мухи по осени в паутине, и хотелось молчать с ним в такт. Дед пил вино, а Зинка крепкий и очень ароматный кофе, который, казалось, могли готовить только здесь. В ту поездку они много рассуждали о жизни, о судьбе и возможностях человека. Именно тогда, в тот незапланированный отпуск к холодному уже морю, дед и сказал эти слова, точно в таком

расположении, в каком сейчас преподнесла их посетительница. Возможно, Зинка не запомнила бы их, как не обращала внимания на обычные их дискуссии, если бы сама тогда не попросила:

- Знаешь, дед, обещай мне, что, как только моя жизнь просто «будет», ты повторишь мне все слово в слово. Я проснусь и вновь скажу своей жизни «да».

- Ну что, вы согласны взяться за мое дело? – вернула Зинку в реальность посетительница.

- Да, – немного ошарашенно прошептала Зинка. – Давайте начнем все сначала. Как вас зовут?

Глава 3. Инициатива приветствуется, ну почти всегда

Позови меня, если стану нужна,

Не раздумывай, знай, я приду,

Даже если буду простужена,

Даже если придется в пургу.

Даже если устану, ослабну,

Даже если споткнусь, упаду,

Несмотря на любую преграду,

Сквозь любые несчастья приду.

Если вдруг осуждений дождь

Ранит в сердце меня по пути,

Твердо помня, что ты меня ждешь,

Я продолжу к тебе идти.

Сто сапог истопчу по дороге,

Ты на раны мои не смотри.

Я твои успокоить тревоги

Прибегу, только ты позови.

Когда Зинка закончила петь, размякшие от вина и задушевных песен друзья по-прежнему продолжали молчать. Они понимали, что это была не просто песня, это была исповедь души, то, что Зинка не могла сказать словами, о чем боялась подумать и что не решалась осознать.

После того как закончила разговаривать с посетительницей и, проводив ее из «избы», зашла в комнату, где находились друзья, она просто скомандовала:

– О деле на час забыли, давайте выпьем и поедим, разговаривать будем довольные и сытые.

Никто не сопротивлялся, все понимали, что дело делом, а Зинка все-таки рассталась с молодым человеком, с которым провела последние полтора года, а планировала вообще-то всю жизнь.

– Расстояние, оно безжалостно, – вдруг заговорил Алексей. – Не бывает ни дружбы, ни любви, когда вас разделяют тысячи километров. Эти километры каждодневно убивают и чувства, и желания, и обещания.

– А я не согласен, – возразил Эндрю. Он выпивал крайне редко и оттого сейчас покраснелся, стал более разговорчив. – Помните Василису, она тогда прилетела в Москву, и мы даже попробовали построить отношения, но не вышло. А все почему? Потому что не было любви. А настоящая любовь преодолевает любые преграды, и расстояние тут совсем ни при чем.

– Шеф, – Матильда тоже решила высказать свое мнение. Конечно, образования ей по-прежнему не хватало, чтобы рассуждать возвышенно, но вот уже полтора года живя с Алексеем, человеком образованным и всесторонне развитым, она научилась даже свой скудный интеллектуальный багаж преподнести красиво. Например, начиная туманно: – Я где-то читала, что отношения, завязавшиеся в экстремальных ситуациях, нежизнеспособны. К тому же ты Козерог, он Овен,

двое рогатых в паре – это катастрофа.

– Матильда, прошу, давай без твоих стопроцентных теорий, – поморщился Алексей.

– А вот и зря, слушали бы меня, и такого бы не случилось, – надулась Мотя на своего мужчину. – Вот, к примеру: когда с легкой руки Савелия Сергеевича мы с вами летали во Владивосток на расследование, я уже знала, что мы с тобой будем вместе.

– Ну, то, что у меня не было шансов, я понял. Но не лишай надежды шефа, потому как она наш компас земной.

– Он сказал, – словно не слыша друзей, произнесла Зинка, – что не может бросить компанию отца, тот впервые доверил ему что-то важное. Разница во времени не дает возможности даже поговорить нормально. Когда у меня день – у него ночь, и наоборот. Предложил мне бросить все в Москве и улететь к нему, но если сегодня я брошу все и сяду рядом, завтра он сам перестанет меня уважать, ведь так? Он станет воспринимать меня как предмет интерьера и через некоторое время попросту разлюбит. После моего отказа он развел руками и предложил: давай проверим, нужны ли мы друг другу. Или спокойно проживем, лишь иногда вспоминая приятные моменты.

Алексей разлил остатки вина и удивленно взглянул на пустую бутылку.

– Может, сходить в магазин? – спросил друзей.

– Нет, – Зинка словно стряхнула с себя наваждение, – будем работать. Итак, вводные данные: неделю назад в маленьком городе Калининградской области убили четверых человек.

– Прямо убили? – хмыкнул Алексей, вступив в их обычную игру при обсуждении нового дела, которая называлась «поставь все под сомнение».

– Предположительно. Сейчас ведется расследование. Но убийство интересное.

– Фи, шеф, – теперь вступила в игру Мотя. Хотя она единственная не была в штате агентства «Дилетант», а училась на курсах модельеров, мечтая когда-нибудь покорить парижский подиум, но на правах участницы их самого первого и единственного совместного дела, а также на правах девушки Алексея имела право голоса. – Это когда у нас убийства стали интересными? – подвергла она сомнению странное высказывание и, глянув на Алексея, немного тише добавила: – Лешик, беги в магазин, я за тебя тут поотвечаю.

Алексей посмотрел на Мотю сурово, но хорошо понимая, что это бесполезно: на его даму сердца алкоголь действовал быстро и всегда требовал праздника. Никто до сих пор, включая ее саму, досконально не знал, на что способна Матильда в праздничном порыве.

– А вот смотри. – Глаза у Зинки заблестели, и она стала читать: – Убитые Важнов Даниил Васильевич, крупный предприниматель, владеет всеми мебельными фабриками и магазинами в области и предположительно двадцатью – в других субъектах нашей огромной родины. Поставки мебели по России и даже в Европу. Вторая жертва – бывшая жена хозяина мебельного рая Важнова Варвара Денисовна. Также погибла личный секретарь Плаксина Марьяна Васильевна.

– Насколько личный? – уточнил Эндрю. – Лет на двадцать?

– Никаких ухмылок, господа, ей было пятьдесят пять, и она была старше своего шефа на пять лет, – возразила Зинка, подняв палец вверх. – И еще один убитый – друг детства обоих супругов Важновых, Мамочка Вениамин Игоревич. По нашим сведениям, они, как говорится, дружили с горшков.

– Где произошло убийство? – Алексей уже взял свой рабочий блокнот и стал записывать.

Восприняв это как сигнал к действию, Эндрю подкатился на стуле к рабочему месту и тоже стал что-то вбивать в поисковик.

Зинка заглянула в бумаги.

– В местном ресторане «Цветик-семицветик».

– Новомодное место в этом городе, – дополнил информацию Эндрю, читая с экрана, – недавно открылось. Здание построено в форме цветка. Каждый зал – отдельный лепесток, везде разная кухня.

– Совершенно верно. И произошло все в китайском «лепестке». Его Даниил Важнов полностью забронировал для торжества. Отравлены газом, более ничего наша нанимательница не знает. Есть и случайная жертва, по мнению следствия, – девушка, которая зашла в зал для того, чтобы посетить туалет. В отличие от остальных жертв она осталась жива и сейчас в больнице.

– Да уж, – усмехнулся Эндрю, – не вовремя даме приспичило.

– Что отмечала компания? – спросил Алексей, продолжая рисовать схемы.

– Компания отмечала помолвку бывших супругов, – читала свои записи после встречи с клиенткой Зина.

– Даже так? – удивился Алексей.

– Да, – засмеялась она, – и такое бывает. Супруги после развода вновь воспылали чувствами, чем и решили поделиться с друзьями, но стол был заказан на пятерых. Значит, есть тот, кто не пришел на этот праздник, закончившийся похоронами.

– А может быть, это несчастный случай? – предположил Эндрю.

– А вот это, друзья, нам и придется выяснить.

– А кто наша клиентка? Судя по тому, что фамилия у нее тоже Важнова, – заметил Эндрю, – это дочь погибших молодоженов?

– Это и есть самое интересное, – улыбнулась Зинка. – Наша клиентка Важнова Кристина – настоящая и, заметьте, законная на данный момент вдова Важнова Даниила. Поженились они пять лет назад и жили душа в душу. Но за неделю до смерти он заявил, что возвращается к своей первой супруге, ничего не объясняя. И теперь эта красивая мадам – первая подозреваемая в убийстве, потому как осталась в полном выигрыше от смерти супруга. Наследников, как я понимаю,

там предостаточно, но в этой ситуации именно она выигрывала больше всего. Потому как при разводе, согласно брачному контракту, не могла ни на что претендовать и ушла бы с чем пришла, в ее случае даже без чемодана. Я предупредила, что, если мы найдем улики, указывающие на ее вину, то передадим их в том числе в компетентные органы. Она согласилась не раздумывая, потому как уверена в своей невинности на все сто. Сейчас мы с вами, ребята, должны придумать стратегию и все рассчитать, а также составить новый договор, чтобы исключить наши риски.

– Почему ты согласилась? – Алексей первым решился спросить то, что волновало абсолютно всех.

– Понимаешь... – Зинка замялась. – Она произнесла наш с дедом пароль, тот, который никто не знал. Кто-то подсказал ей слова, после которых я соглашусь не задумываясь. Кристина Важнова сказала, что ей позвонил неизвестный человек и все продиктовал, но мне кажется, она лукавит. Или недоговаривает. В любом случае теперь я не могу отказать.

– Ну ты же не думаешь, что он жив? – вскинулся Алексей. – Его сбила машина, ты каждый месяц носишь ему на могилу цветы.

– Я не видела его мертвым, опознавала мама, прилетевшая на похороны. Дед попал под большегруз, и хоронили его в закрытом гробу. – Немного подумав, Зинка добавила: – Конечно, ты прав, но я все равно должна знать, кто пытается мной управлять.

– А меня волнует другое, – почему-то развеселился Эндрю, – гонорара что, не будет? Только раскрытая тайна в итоге? А у меня, между прочим, ипотека.

– Не беспокойся, – улыбнулась Зинка, – если мы ее спасем, богатая наследница выплатит нам все в полном размере. Проблема в другом – у нас нет стратегии на убийства.

– Но ведь тогда, во Владивостоке, у нас получилось, – возразил Алексей, – мы даже два убийства раскрутили, одно новое, другое старое.

– Но расследовали-то мы похищение картины. Остальное получилось случайно, – не согласилась Зинка. – Нам нужна стратегия.

- Мы не гений психологии профессор Штольц, - развел руками Алексей, - навряд ли сможем составить ее, да еще так быстро.

- У нас уже есть стратегия, - робко влез в их диалог Эндрю.

- В смысле?! - хором воскликнули Зинка и Алексей.

- Ну, я решил программу нашу расширить, разобрал все записи профессора и сбилдил новую версию.

- Что сделал? - не поняла Зинка.

- Ну, пропатчил, - пояснил Эндрю с таким лицом, словно рассказывал про погоду, просто и буднично.

- Что? - Очередь «чтокать» перешла к Алексею, потому как понятнее не стало.

- Накатил обновление, апгрейд сделал.

- Ты поэтому здесь уже неделю почти живешь? - Алексей, поняв, что от задаваемых вопросов лучше не становится, решил пойти другим путем.

- Ага, - махнул головой Эндрю и тотчас стал похож на Гарри Поттера, - я дописал несколько дополнительных функций, и теперь эта версия может собрать команду для расследования убийств.

- И ты молчал! - возмутилась Зинка.

- Ну... Я думал, что расскажу вам, когда все проверю и прокатаю программу, но раз у нас форс-мажор, то можно сделать это в тестовом режиме.

- Запускай, пусть ищет дилетантов, - скомандовала Зинка.

- Понимаете, - стушевался Эндрю, - программа решила, что для расследования убийств нужны шестеро дилетантов. Четверо так же, как в обычной программе - логик, технарь, эмпат, администратор. А еще двое - умник и вор, но таких в

нашей базе нет.

- Умник понимаю, а вор нам зачем? - удивился Алексей.

- Так выдала программа. - Эндрю пожал плечами.

- Это логично, - встряла Зина. - Вы знаете, что первая в мире криминальная полиция во Франции состояла из преступников?

- Тогда спасибо, что не убийца, - усмехнулся Эндрю.

- Ну и какие наши действия?

Зинкины глаза загорелись от предчувствия работы. Так было всегда, и это состояние не проходило, пока дилетанты не заканчивали свое расследование.

- Когда мы определимся с четырьмя основными дилетантами, загрузим их в программу, и она выдаст нам психологический портрет оставшихся двоих. Далее попробуем по нему найти этих героев и, вбив уже их точные данные в компьютер, пойдем, наши это дилетанты или нет.

- Так в чем проблема? Запускай, ищи основных, - настаивала Зинка, понимая, что время работает против них.

- Только тут еще одно условие: дилетанты должны быть сработаны, то есть надо вбивать сразу четверых, кто уже действовал в команде.

- Это труднее. Многих разбросало, а многие второй раз на это не пойдут, - задумалась Зинка, - но делать нечего, ищи, у нас все равно нет другого варианта. Ну что, Мотя, - повернулась она к дивану, где сидела подруга, - теперь можно и в магазин, выход найден. Все-таки мы... - и не договорив, замолчала.

- Команда, - продолжил за нее Алексей, глядя на манипуляции Эндрю в компьютере как на магию.

Он тоже был рад и новому делу, и тому, что коллега, опережая время и события, сейчас дал им шанс не опростоволоситься, а как обычно победить. Алексей Кропоткин был азартным человеком, но теперь игру в карты ему заменяла работа, адреналин он получал только от нее, полностью отказавшись от пагубной привычки.

– А где Мотя? – в голосе Зинки прозвучало беспокойство.

В их компании все знали, что Матильду нельзя оставлять одну, если она выпила алкоголь. Он действовал на нее как катализатор приключений. Венцом, конечно, было похищение обезьянки из зоопарка, чтобы выпустить бедное животное на волю. Правда, тот благородный порыв не был оценен даже самой виновницей торжества и полностью провалился. Но были и другие инциденты, так сказать, по мелочи.

Алексей, увидев пустой диван, побледнел и бросился искать свою вторую половину, но в «избе» ее не оказалось.

Зинка набрала телефон Моти, и после долгих гудков из динамиков рявкнул мужской голос:

– Кто это?

– Звягинцева Зинаида Михайловна, – от испуга автоматически представилась полным именем. – А вы кто?

– Капитан Крабов, – гаркнул в трубку мужчина.

Зинка была нестрессоустойчива, хотя усиленно работала с этим, пока же, когда на нее кричали, терялась и несла всякую чушь.

– Товарищ капитан, подскажите, пожалуйста, как к вам на судно попал телефон нашей подруги? – удивленно спросила она быстрее, чем голова начала работать.

На том конце наступила тишина, видимо, человек обдумывал сказанное, точнее решал, издеваются сейчас над ним или он в самом деле разговаривает с полной кретинкой. Видимо, предпочтя второй вариант, ответил:

– Значит так, хозяйка этого телефона находится сейчас в 248-м отделении полиции и обвиняется в нападении на полицейских. И никаких, мать вашу, кораблей! – последние слова он прокричал прекрасным фальцетом.

Зинка в растерянности посмотрела на друзей.

– Едем выручать Мотю. Сказали, что она в полиции, и по тону капитана я поняла, что это правда, – он уже на грани, а так доводить людей может только наша Матильда. Если не поторопимся, возможно применение оружия, потому как нервы у Крабового капитана ни к черту.

– Я с вами, – засобирался Эндрю.

– Нет, – резко отказала Зинка, – ты сидишь и ищешь основных дилетантов. С полицией мы справимся без тебя.

Алексей молчал, боясь даже предположить, что на этот раз вытворила любовь всей его жизни. Ну что ж, какая непредсказуемая у него сейчас жизнь, такая и любовь.

Фамильный замок семейства Бланшфор

Париж, Франция, август 1306 г.

Только маленький Бернар был страшно недоволен предстоящим переездом. По причине его юношеского возраста Бернару не сказали, кто был инициатором этого путешествия. Призвав к себе старших сыновей Робера и Эврара, Эрменгарда передала им разговор с магистром ордена.

– Готовы ли вы, сыновья мои, отдать жизнь, как отец ваш, за Господа Бога нашего и сможете ли вы оправдать надежду великого магистра, наложенную на вас?

Она не слушала, что говорили ее подростки, она все видела по их глазам, светившимся верой и чистотой. Эрменгарда осознала, что не зря прожила жизнь, воспитав благочестивых рыцарей, у которых на этой земле

будет своя миссия.

Вещи были собраны, и хозяйка дома ходила по замку, в котором хранилось столько воспоминаний, понимая, что она навряд ли когда-то вернется сюда. Сейчас они ждали только посланника от магистра с посылкой. Ожидание длилось довольно долго, и Эрменгарде даже подумалось, что магистр передумал и выбрал себе в служители миссии других людей. Холодок пробежал по коже от этих мыслей – неужто он усомнился в ней, неужто подумал, что ее семья ненадежна? Если так, то они не жильцы. К дому подъехала карета, и Эрменгарда вздрогнула: что принес посланник, долгожданную весточку или смерть?

Ожидание было тягостно, поэтому женщина сама вышла на крыльцо принять решение магистра как Божью волю.

Рыцарь в белом плаще, сопровождающий карету, слез с коня и молча вручил Эрменгарде письмо. Она тут же раскрыла и начала читать.

«День вашей миссии настал. Человек, который привез вам реликвию, глухонемой, поэтому не стоит его ни о чем спрашивать. То, что вы получите, не имеет цены в денежном выражении. Мир ляжет к ногам обладателя данной святыни, потому что она позволяет напрямую обратиться к Всевышнему и тут же получить ответ. Посему данная реликвия не может никому принадлежать. Наш доблестный орден поклялся у Гроба Господня, что будет вечно охранять ее от зла. Сейчас вы направитесь в замок Мариенбург, он принадлежит нашим братьям, рыцарям Тевтонского ордена. Но лишь один человек там будет знать истинную причину вашей миссии, для этого ты, Эрменгарда, должна будешь показать ему свое кольцо. Каждый посвященный, кто будет видеть его на твоём пальце, узнает в тебе хранительницу святыни. Будь достойна миссии, наложенной на тебя орденом и Богом».

Едва она закончила читать, как немой рыцарь протянул ей кольцо, а когда она надела его себе на палец, встал перед ней на одно колено и склонил голову в знак почтения. Это было обычное кольцо тамплиера с красным крестом в белом круге, и лишь два херувима с поднятыми крыльями на боковых гранях отличали его от множества подобных.

Вещи были погружены, кони уже топали копытами, стремясь в дальнюю дорогу. Кованый железный сундук, закрытый на множество замков и засовов, от которых им не дали ключей, стоял в самом тайном и самом безопасном месте в повозке. Эрменгарда простилась с прошлым, она уже осознала, что ее жизнь, да и жизни ее мальчиков больше им не принадлежат. Она прощалась с домом и просила помощи у Бога и своего покойного супруга, понимая, что впереди предстоят страшные испытания.

Глава 4. Вор должен сидеть в тюрьме

– Понимаешь, Феликс, – объясняла Матильда своему новому знакомому, сидя на грязной лавке в КПЗ, – я с детства не могу выносить несправедливость. Зинка даже стихотворение про меня сочинила, прям в точку:

С детства я живу на всю катушку,

Не умею, видно, по-другому.

Коль люблю, то в чувствах по макушку,

Коль ругаюсь, сразу по больному.

Защищаюсь вилами и матом,

Рву подчас все связи сгоряча.

Иду по жизни только быстрым шагом,

А правду я рублю с плеча.

Когда гуляю, песни под шарманку

Сами поднимают ноги в пляс.

Ну а страдая, душу наизнанку

В порыве праведном порву не раз.

Обижаюсь я без сантиментов,

Прощаю быстро, вновь поверив слову,

Живу всю жизнь на сто процентов,

Ну не умею, видно, по-другому.

Алкоголь еще не до конца выветрился, и поэтому декламация стихотворения была чересчур эмоциональной.

– Особенно не люблю, когда обижают слабых, – продолжала она рассказывать о себе молодому человеку, который, казалось, совсем ее не слушал. – Вот как сегодня. Я думаю, это все потому, – Мотя снизила тон, перейдя на шепот, – что меня назвали в честь кошки.

– Это все объясняет, – отрешенно махнул головой собеседник. – А в чем был смысл столь экстравагантного поступка родителей?

– Смысла не было, – вздохнула Мотя, – сплошные гормоны, которые гуляли у моей мамы после родов. Но, – она сделала театральную паузу и подняла указательный палец вверх, видимо, чтобы выделить важность момента, – я не в претензии, потому как благодаря моему имени такая красивая и яркая.

Феликс взглянул на Матильду внимательней.

– Взаимосвязь налицо, – согласился и вновь уставился в потолок.

– Ну и еще знаку зодиака. Мы, Близнецы, все рождаемся с огромным чувством прекрасного.

– Тут, конечно, совсем фартануло. – Было видно, что молодой человек поддерживает разговор из вежливости, а сам находится где-то далеко.

Он снял длинное черное пальто, постелил на лавку и теперь лежа что-то обдумывал.

– А ты кто по гороскопу? – поинтересовалась Матильда.

– Скорпион, – безучастно ответил Феликс.

– Повезло, – констатировала она обстоятельство как факт. – Прости меня за то, что так получилось, – виновато пробормотала Мотя, и стало понятно, что до этого она просто нелепо оправдывалась.

Когда в «избе» все занялись новым делом, Мотя заскучала. Хоть она и была одной из дилетантов, но все-таки бывшей. В этой компании она тусовалась больше как девушка Алексея и подруга Зинки, да и то иногда Матильда чувствовала, что они с ней слишком разные, чтобы дружить. Девушка без образования понимала огромную пропасть даже между собой и своим мужчиной. Зинка, конечно, подходила Алексею больше, они могли часами болтать о политике, искусстве и литературе, и в такие моменты Матильда ощущала свою чуждость этим двум хорошо образованным людям. Она никогда не признается, но, обманывая своего любимого, по вечерам посещала курсы по повышению странного для нее до сих пор понятия ай-кью. Они назывались «Рожденный ползать может полететь». Если верить организаторам курсов, то по окончании она непременно станет умнее и образованнее и тоже сможет сверкнуть интеллектом. Правда, чем больше она туда ходила, тем меньше верила сладким речам говорливых коучей. Врут они все, рожденный ползать никогда не полетит.

Белая полоса Матильды Портнягиной началась с того дня, как Савелий Сергеевич Штольц пригласил ее в группу «Дилетант». Там она встретила Алексея, а самое главное, поверила в себя, поверила, что педикюрша без образования может сделать что-то большое и светлое, что-то настоящее. После дела Савелий Сергеевич подарил ей курсы модельеров, которые Мотя уже благополучно прошла, через месяц собираясь сдавать экзаменационный проект.

Понимая, что она сейчас самая свободная, Матильда решила быть полезной и сходить в ближайший супермаркет купить еще вина. На душе скребли кошки, и любимое состояние Моти в прошлом – самоистязание – полностью овладело душой эмпата. Неужели она настолько никчемна, что ее удел только в магазин за вином бегать? Грустно взяв бутылку вина, Матильда подошла к кассе. В магазине начинался час пик, уставшие люди набивали огромные сумки продуктами, чтобы быстро поесть и уснуть перед ждущими их целый день телевизорами. Ей вдруг стало их всех так жаль, что слезы выступили на глазах.

– Красивые девушки не должны плакать, – обронил парень, стоявший в очереди в соседнюю кассу.

Мотя решила, что не хватает еще начать знакомиться в супермаркетах, и демонстративно от него отвернулась, уставившись на раздвижную дверь магазина. Там сейчас происходила комедия, потихоньку собиравшиеся люди хохотали. Уставший после рабочего дня народ с удовольствием веселила собака породы двортерьер. Она подходила, вставала на задние лапы перед автоматическими дверями, и те торжественно раздвигались перед ней. Получив желаемый результат, псина неспешно отходила в сторону. Двери, не видя входящего, закрывали ставни. После чего шkodливая дворняга вновь появлялась перед ними, вышагивая по-цирковому. И самое смешное, было видно, как животному нравится эта игра под названием «двери супермаркета».

Матильда любила животных, и ее позабавило это собачье представление. На сердце сразу стало легче, показалось, что мир не так уж и плох, – даже маленькая дворняга, если захочет, может получать радость в этой жизни.

– Ах ты гадина! – послышался крик на весь магазин, и толстый охранник направился в сторону веселившего народ животного.

На глазах людей защитник порядка подошел к доверчивой собаке и со всей дури пнул в живот беззащитную псину. Та заскулила и убежала прочь. Народ остолбенел, никто не знал, как реагировать. У всех мгновенно появился привкус горечи во рту. Замерли все, но не Матильда. В такие мгновения голова у нее работала медленно, а тело, подчиненное исключительно душевному порыву, творило то, что считало нужным.

Словно боясь, что кто-то ее опередит в столь щекотливом деле, она поспешно подошла к охраннику и ударила его бутылкой по голове. Это Мотя сделала не исподтишка, а как честный человек, глядя прямо в глаза, поэтому удар пришелся прямехонько на лоб блюстителя порядка. Охранник закачался и некрасиво упал на грязный от апрельской слякоти пол супермаркета.

Толпа по-прежнему стояла замерев, страшась спугнуть захватывающее представление. Мотя тоже не очень понимала, что делать, – такой отвратительный еще пять минут назад охранник на полу и с пробитой головой сейчас тоже вызывал жалость. Но быстрее всего сориентировались коллеги поверженного, они бежали к Моте со всего огромного гипермаркета, как тараканы из разных щелей, доставая по пути дубинки и шокеры.

– Молодец, девушка! – крикнул парень, который пять минут назад запретил ей плакать. – Что ж это такое происходит, граждане, пинать животных! Бедных голодных собак, и так уже лишенных любых благ. – Он подошел к Матильде, одновременно хлопая в ладоши и произнося свою пламенную речь. – А что, товарищи, сегодня собаку, а завтра, получается, нас пинать начнут, – продолжал митинговать молодой человек и, повернувшись к Моте, тихо добавил: – Ваш выбор вина прекрасен, и тара крепкая, буду иметь в виду.

Мотя взглянула на совершенно целую бутылку в своих руках и смущенно спрятала ее за спину.

– Пора защищаться от рукоприкладства в супермаркетах! – крикнул парень, и толпа загудела.

Самые смелые стали подходить к ним и прикрывать Мотю своими телами, но охранников уже было не остановить. Лежащий на холодном полу поверженный коллега полностью развязывал им руки.

Началась любимая русская забава, именуемая в народе дракой.

– Так, Портнягина, на выход с вещами, – бас полицейского вывел ее из невеселых воспоминаний.

– Без Феликса не пойду! – крикнула Мотя и схватила молодого человека, мирно лежащего на скамье, за руку.

Было видно, что от подобной акции он пребывает в шоке и совсем не против, чтобы эта чересчур активная девушка уже пошла бы без него.

– А Феликс у нас кто? – слышался голос Зинки.

– Шеф, – обрадовалась Матильда и кинулась к решетке, – я так рада тебя видеть.

– А я тебя здесь не очень, – недовольно буркнула начальница.

– Шеф, мы просто обязаны вытащить отсюда Феликса, он меня спас, – взмолилась Мотя.

– Это невозможно! – возмутился полицейский. – Феликс Есупов вор, а вор должен сидеть в тюрьме! Это, между прочим, еще Глеб Жеглов сказал, – произнес он и посмотрел вверх.

Зинке показалось, что полицейский не подозревает о том, что Жеглов – вымышленный персонаж, и верит в его великие достижения в поимке преступников.

– Вор? – уточнила она, повнимательней взглянув на парня.

– Вор, – подтвердил полицейский.

– Настоящий? – все еще не верила в удачу Зинаида.

– Стопроцентный, – как-то чересчур гордо ответил капитан, словно речь шла о его личном в этом деле достижении.

– С классиком я спорить, конечно, не буду, но думаю, в этом мире все же нет ничего невозможного. – И, взяв полицейского под руку, Зинка предложила: – Пойдемте еще раз выпьем ваш чудесный кофе, ничего вкуснее не пила со времен моего путешествия в Италию.

Глава 5. Дело в шляпе

«Какой длинный день», – думала Зинка, засыпая в «избе» на неудобном кожаном диване. По домам разъехаться не получилось, экстренный мозговой штурм продлился глубоко за полночь, и потому было решено всем остаться здесь. Места в уютном домике было много, хватило даже для их обновленной компании.

Усталость валила с ног, но сон-предатель все не шел, а Зинке так хотелось упасть в забытие. Скорее всего, подействовал кофе капитана, она выпила почти ведро за период переговоров. До сих пор во рту стоял приторный вкус растворимого напитка. Чтобы мысли снова и снова не возвращали ее к

расставанию с Тимуром, а они именно так и делали, Зинка начала вспоминать прошедший вечер.

Когда они всей огромной делегацией вышли из участка № 248, на улице уже стемнело, и апрель своим вечерним холодом напомнил, что до лета еще далеко. Алексей тихо отчитывал Мотю, а та шла, повесив голову, и даже не защищалась, видимо, алкоголь практически выветрился, и веры в свою правоту у девушки поубавилось.

- Как вас зовут? - спросил ее странный парень по имени Феликс.

- Зина, - ответила она, разглядывая его красивую широкополую шляпу и не менее впечатляющее пальто.

Этот наряд делал из простого тридцатилетнего парня аристократа, не меньше. Алексей, который, к слову, действительно имел такие корни, на выходе из участка оценил одежду парня, уважительно пробубнив «надо же».

- Разрешите представиться, Феликс Есупов, - сказал он и снял шляпу в знак приветствия, демонстрируя тем самым, что знает шляпный этикет.

- Интересные у вас имя и фамилия, - усмехнулась Зинка. - Вы из тех самых Юсуповых, потомков нагайских ханов, впоследствии сроднившихся с русской знатью и ставших чуть ли не самым богатым княжеским родом России?

Парень ничуть не смутился ни Зинкиной ухмылкой, ни ее вопросом.

- Вы знаете, хотя наша фамилия начинается не на букву Ю, мы Есуповы, но в семье ходят легенды, что да. Чтобы не быть расстрелянными в советской России, мои предки поменяли одну букву в фамилии.

- То есть это ваши предки убили Распутина? - вновь съязвила Зинка.

- Нет, мы из другой ветви и к подлой выходке Феликса Феликсовича не имеем никакого отношения. Наш род идет от его брата, Николая Феликсовича. Если вам интересно, могу рассказать.

– Нет, – резко ответила Зинка, – я сама могу сутки напролет рассказывать исторические байки, где правда переплетена с вымыслом. Сейчас меня интересует, зачем вы украли хот-дог?

Парень сильно смутился, но взял себя в руки и признался:

– Я не крал сосиску в тесте. Я как честный гражданин стоял в кассу для оплаты товара. Когда же увидел, что вашу подругу собираются линчевать охранники, поспешил на помощь, по инерции положив бутерброд в карман, тем самым дав полицейским повод для задержания.

– Ну, еще повод им дал тот факт, что вы только сегодня прибыли в Москву, выйдя из мест не столь отдаленных. Ведь так?

– Я полностью погасил свою судимость, – холодно сказал парень, перестав улыбаться, – отсидев положенный мне срок. Долгов перед Родиной больше не имею. – На этих словах он надел шляпу, мотнул головой и добавил: – Благодарю за вашу помощь.

Зинка, глядя на его удаляющуюся спину, все еще сомневалась. Да, пока она была в кабинете капитана, дегустируя его дрянной кофе и ведя задушевные беседы, написала сообщение Эндрю с просьбой выяснить все про Феликса Есупова и понимала, что сейчас ему идти некуда, но всегда опасалась принимать решения настолько быстро. Алексей и Мотя, вдоволь наругавшись, уже стояли у машины и целовались, совершенно не готовые помочь ей с выбором.

– Князь! – крикнула она вслед парню. Тот обернулся, словно ожидал этого. Хитрая и чертовски обаятельная полуулыбка снова скользнула по его лицу. – Предлагаю в качестве благодарности за спасение нашей подруги праздничный ужин и приличный ночлег. – Он молчал. Было видно, что ему очень хочется сказать «да», но какая-то внутренняя гордость останавливает его. – Не отказывайте мне, Феликс. Должна же я вас как-то отблагодарить за вызволение Матильды из лап разгневанных охранников. Время уже позднее, куда вы поедете, – помогла ему в душевной борьбе Зинка. – Поверьте, тем самым вы сделаете мне одолжение.

– Ну что ж, – словно что-то решив для себя, сказал молодой человек, – когда дама просит, нехорошо отказывать.

Сейчас, мучаясь на своем диване и вспоминая события вечера, Зинка отчетливо отметила промелькнувшую благодарность на лице этого гордого, но пока не совсем понятного ей парня.

Может, дед и правда был гений. Сегодня, сама того не зная, Мотя нашла им вора, который к тому же подошел по параметрам программы.

– Я нашел компанию дилетантов, и она вам очень не понравится, – такими словами встретил их Эндрю, когда они вернулись в «избу». – А это кто? – кивнул он на тайное окно в гостиную.

Они оставили Феликса там, где еще несколько часов назад сидела Кристина Важнова, блистая красотой и богатством.

– Это новый знакомый Матильды и, что самое интересное, по совместительству вор.

Зинка пристально разглядывала парня через тайное окно. На вид ему было лет тридцать, внешне молодой человек был красив и обаятелен. Одежда на нем явно была новой и дорогой и шла ему чрезвычайно. Сняв шикарное черное пальто и широкополую шляпу, он остался в строгом костюме.

– Я, конечно, не большой знаток воров в принципе, но, по-моему, не похож, – сделал вывод Эндрю, тоже, как и Зинка, рассматривая нового знакомого.

– А ты думал, что вору – беззубые волосатые дядьки с наколками по всему телу? – усмехнулась она. – В оправдание нашего нестандартного вора могу сказать, что он еще и князь. Если верить на слово этому обаяшке, он потомок Юсуповых, в советское время трусливо изменивших первую букву своей фамилии. Не знаю, не уверена, но, возможно, именно это повлияло на его нестандартный внешний образ.

– Так ты говоришь, что это Мотя его нашла? – спросил Эндрю и, не дожидаясь ответа, продолжил: – Тогда все логично.

– Почему? – к разговору присоединился Алексей.

Когда он понял, что с Матильдой все в порядке, то выдохнул и словно сдулся, вложив все свои эмоции в поиски любимой.

– Потому что основные дилетанты – это мы с вами. – Эндрю развел руками.

Они дилетанты, как тогда, полтора года назад во Владивостоке. Как это было недавно, но, с другой стороны, давно. Зинка очень сильно изменилась. Да что там, мир вокруг нее изменился. Прошлая миссия подарила ей Тимура, а какие сюрпризы преподнесет эта? В потоке этих мыслей ей удалось все-таки провалиться в сон.

Глава 6. Не верьте генам, господа, верьте поступкам

Не спалось в эту ночь еще одному человеку. Феликс Есупов лежал на шикарном диване, возможно, казавшемся ему таковым, потому что в последнее время его спальные места оставляли желать лучшего. Странный домишко новых друзей больше походил на избу, затерявшуюся во времени и пространстве, втиснувшись между стандартными многоэтажками обычного спального района Москвы.

Феликс размышлял и никак не мог понять, почему его жизнь так похожа на кинофильм, в который, чтобы держать зрителя в напряжении, сценарист вставляет все больше и больше невозможных событий. Если бы он написал книгу или снял кино по событиям своей жизни, искушенный читатель сказал бы «не верю, так не бывает». Даже сейчас, когда он решил начать все сначала, так сказать, с чистого листа, когда дал клятву на могиле дяди, судьба преподнесла ему встречу с этими странными людьми.

С судьбой, сказал бы дядя, не спорят, с ней можно только играть, и то никогда на последние. Он очень любил петь под гитару, и у Феликса в голове всплыла мелодия, песня, которую очень любил Николай Есупов – его дядя и самый родной человек по совместительству.

– Я буду торговаться до последнего

С судьбой, что так жалеет козыря,
До самого простого медника,
Я буду спорить до рубля.

Она, конечно, девушка скупая
И жадно раздает свои дары,
Но на ходу все правила меняя,
Сбиваю ход ее игры.

Меняю я оковы на мечты,
Желания перевожу на смех,
Пустые разговоры на цветы,
А неуверенность, не глядя, на успех.

И усмехнувшись, хитрая признала,
Лишь те, кто крутят жизни колесо,
Кому стоять на месте слишком мало,
Вот им доступно в жизни все.

Мысли о дяде унесли его в далекий 1998-й, страшный для него год, который разделил жизнь Феликса на «до» и «после». Он, маленький семилетний мальчик, от незнакомых дяденек, постучавшихся в дверь, узнает о том, что его родителей больше нет. Уже потом он докопается до правды, что они поехали покупать машину у кого-то с рук и нарвались на бандитов. Те, не раздумывая, забрали деньги и убили обоих точными выстрелами в голову. Каждый раз, когда Феликс думал об этом, у него страшно начинал болеть затылок, словно он чувствовал те выстрелы физически. Но такие подробности он узнает после, лет через десять, а тогда были только эти сухие слова: его родителей больше нет.

Он навсегда запомнит, как расплакался в кабинете директора детского дома, когда абсолютно не знакомый ему взрослый человек сказал:

– Ну здравствуй, Феликс, я твой дядя, поедешь со мной в Москву.

В Москву? Да он готов был ехать хоть на край света, лишь бы не прислушиваться ночью к скрипу железной сетки матраса и не обливаться холодным потом от страха неминуемой расправы местных пацанов.

Дядю звали Николай, он был двоюродным братом папы. Наслаждаясь стуком колес в поезде, Феликс припомнит, что отец иногда рассказывал о нем маме, как-то особенно печально, словно постоянно жалел его за что-то. Но, лежа на полке, пахнувшей свежим бельем, Феликс никак не мог понять, за что.

Николай, именно так он попросил его называть, без статуса «дядя», рассказал ему, что живет в центре Москвы и работает в цирке клоуном. Он был красив и абсолютно здоров, правда, мало улыбался, но ведь это не проблема. Маленький Феликс тогда решил, что клоун слишком много веселится на работе и в жизни ему не очень хочется это делать.

Тогда и началась его жизнь в цирке. Феликс пропадал там постоянно, делая перерыв только на посещение школы. Это был их домашний договор с Николаем. Вообще дядя оказался человеком с кучей привычек, правил и установок. Первый год Феликсу было трудно все их запомнить и привыкнуть исполнять, но он старался. Ему казалось, что, если он будет много нарушать, Николай сдаст его обратно в детский дом. Поэтому уже через год Феликс автоматически заправлял кровать сразу после пробуждения. Знал, куда вешается полотенце для лица, а куда банное, и без проблем убирал на постоянное место любой случайно сдвинутый предмет. Все это были сущие мелочи по сравнению с липким страхом детского дома.

Лет в десять, в цирке, где он уже стал своим, добрые люди в лице уборщика клеток рассказали ему страшную историю Николая. Оказывается, он был фокусником, да не просто фокусником, а имел огромный успех у публики. Его руки были настолько пластичны и искусны, а фантазия столь бурной, что он со своими собственными фокусами покорял мировые сцены. Имел уйму наград и регалий и побеждал во множестве международных фестивалей и конкурсов. Но однажды случилось страшное: его ассистентка, которая была по совместительству женой, погибла, разбившись насмерть прямо на сцене. Она упала на манеж с пятнадцатиметровой высоты из того самого ящика, который придумал факир Николай. Позже следствие выяснило, что он был абсолютно ни при чем, рабочие сцены неправильно закрепили реквизит на тросах, но

вернуться в профессию Николай уже не смог. Он долгое время нигде не работал, потихоньку проедавая и пропивая вещи из квартиры, пока директор цирка не предложил ему пойти в номер вторым клоуном. Директор слыл в цирке человеком проницательным, угадал и тогда. Навыки фокусника оченьгодились, клоун Ники стал любимцем публики, и сейчас Николай уже имел свой собственный номер.

«Вот на этот период жизни, – продолжал рассказывать десятилетнему юнцу старичок, пахнувший клетками, – и пришлось известие о тебе и твоих родителях. Николая тогда словно подменили, из равнодушного к жизни человека он превратился в молнию. Летал по цирку и искал, у кого есть знакомства, чтобы разрешили тебя усыновить. Боялся, что одинокому мужчине могут не дать, да и биография подпорчена. Он, конечно, не виноват, но люди все равно шептались, мол, скрутилась его жена с воздушным гимнастом, цирк ведь – большая деревня, здесь все про всех все знают, ну так вот, а Николай, мол, ее и наказал».

Хоть Феликсу и был тогда противен этот уборщик, но в одном пацан был ему очень благодарен. Именно тогда маленький мальчик понял, что не отдаст Николай его обратно в детский дом, что он тоже ему нужен, нужен как родная душа, для того чтобы было хорошо, обоим было хорошо.

С того разговора у клеток и началась другая жизнь. Феликс полностью проникся к Николаю и разрешил себе его любить сильно и самоотверженно. Видимо, дядя почувствовал от пацана искренние эмоции и тоже постарался раствориться в нем, забыв весь груз, что к тому времени навесила на него жизнь.

«Николай, как же так, тебя нет, а я так и не попросил прощения», – подумал про себя Феликс, стараясь не расплакаться. Корявые «прости» сегодня на могиле ни при чем. Они были нужны больше Феликсу, а не дяде, который уже не мог ничего ему ответить.

Феликс потряс головой, словно стараясь стряхнуть воспоминания о дяде, перевернулся на другой бок, но сон по-прежнему не хотел к нему идти.

«Странные люди, странный дом и странные предложения», – опять промелькнуло в голове.

Сначала он планировал только переночевать и уйти наутро, не прощаясь. Но, видимо, судьба испытывала Феликса вновь. В предложении Зинаиды промелькнуло название маленького города в Калининградской области, того города, о котором он не забывал все три года и одновременно боялся думать о нем. Сначала в висках застучало, и мысли, что его проверяют, это подстава, ловушка, беги, не давали даже вслушаться в предложение. Но эта маленькая рыжеволосая девчонка, которую все называли «шефом», чем-то неуловимо покорила его. Он ей поверил. И когда она предложила ему работу в команде со странным названием «Дилетант» для расследования группового убийства, согласился, просто глядя ей в глаза. Николай научил его не только ловкости рук настоящего фокусника и, как оказалось впоследствии, вора, но и разбираться в людях. Зина Звягинцева не врала, она говорила ему правду, он это знал. На его жесткое условие, что никакого криминала, девушка утвердительно кивнула головой, совершенно спокойно заметив: «Само собой». Сказала так, словно отмахивалась от полной глупости, произнесенной собеседником.

Будь что будет, решил в ту минуту Феликс. Он никогда бы не решился сам ехать туда, боясь внимания Хозяев, но с группой это не должно вызвать особых подозрений. Теперь любое его передвижение рассматривалось бы ими как подозрительное, но в этой странной группе он новичок и ничего не решает, поэтому может получиться. Интересно, кто послал Феликсу этих людей, ангел или дьявол?

Обратно в цирк его, конечно, не возьмут, не простят того, что натворил. В этом особенном мире есть железное правило: искусство можно дарить людям, но никогда нельзя использовать против людей. Сейчас он автоматически стал для цирковых персон нон грата. Квартиру Николая после смерти они все же продали – тот, понимая, что умирает, написал завещание на коллег, прося деньги от продажи положить сначала на счет, а позже отдать Феликсу, когда он выйдет из тюрьмы.

Цирк – это семья, не всегда дружная, но в горе она сплачивается и своих не бросает. Коллеги в точности выполнили обещание, данное умирающему клоуну, вручив сегодня на Павелецком вокзале банковскую карту на имя Феликса Есупова со всеми полученными за квартиру деньгами и записку на тоненьком истрепанном тетрадном листе, где было одно предложение: «Твой дар должен служить Богу, а не дьяволу. Клоун Ники».

– Обещаю, – в сотый раз за день прошептал Феликс, разрушив тишину комнаты, и ему показалось, дядя на этот раз его услышал.

Замок Мариенбург, Восточная Пруссия

1308 г.

Дорога была трудной и долгой. Только добравшись до места назначения, Эрменгарда с сыновьями узнали об аресте французских тамплиеров и магистра ордена Жака де Моле в пятницу 13 октября 1307 года. Страшные подробности той пятницы тринадцатого, где в самом числе были видны происки дьявола, передавались из уст в уста, наводя ужас. Арестованные рыцари подвергались нечеловеческим пыткам, пройдя через которые, самые слабые духом и телом соглашались со всеми предъявленными им обвинениями. Тем самым они не жалели ни себя, ни своих братьев по ордену, потому как после их признаний вновь продолжались аресты. Тамплиеры один за другим подтверждали, что отказались от Бога и погрязли в ереси, и лишь один человек, великий магистр Жак де Моле, призывал суд к справедливости и стоял на своем. Он был верен и ордену, и вере, его не удавалось сломить самыми страшными пытками и истязаниями. Жак де Моле оставался настоящим рыцарем Христа.

Сердце сжималось от таких новостей.

Рыцарь Тевтонского ордена, который был посвящен в их миссию, скоропостижно скончался, оставив Эрменгарде указание: двигаться дальше, к морю. Она так мечтала, так молилась, чтобы их с сыновьями путешествия закончилось, но, видимо, так угодно Богу, чтобы они продолжили нести свой крест. Филипп Красивый жаждет всех благ и могущества тамплиеров и не остановится ни перед чем. Но главной целью этого жадного короля была, конечно, реликвия, которую сейчас сопровождают Эрменгарда и ее сыновья. Великая реликвия, которая может наделить силой Бога любого земного. Именно этому невозможному событию и должны помешать тамплиеры в лице слабой женщины и троих юнцов.

Женщина поражалась прозорливости и осведомленности магистра, который так вовремя позаботился о святыне. К слову, она до сих пор не знала, что именно охраняют они в железном сундуке. Замок Мариенбург – хорошо укрепленная

крепость, но и здесь они теперь тоже в опасности. Надо уезжать, спасаться, но для начала уведомить орден о своем передвижении.

– Робер, – призвала она к себе своего старшего сына. Он был способным молодым человеком и владел многими искусствами, в том числе и искусствомковки. – Милый мой сынок, – она погладила по голове уже такого взрослого, но для Эрменгарды все равно маленького мальчика, – необходимо выковать вот такой скрижаль, – сказала она и протянула ему небольшой набросок, – точь-в-точь как здесь нарисовано.

Конец ознакомительного фрагмента.

Купить: https://tellnovel.com/efimova_yuliya/poteryannoe-nasledstvo-tampliera

надано

Прочитайте цю книгу цілком, купивши повну легальну версію: [Купити](#)